

Это знание и чувство живописи мне потом очень помогло при поступлении во ВГИК.

Кружок поэзии и КГБ

*Пусть стихи мои вспыхнут в огне!
Я устал их писать — они плачут,
И приносят мне боль, и в окне,
Как горящие свечи, маячат...*

Учась в школе и театральном училище, я продолжал писать стихи. Впервые меня опубликовали в газете «Кузбасс», когда мне было лет тринадцать. В ней я прочитал, что Михаил Александрович Небогатов, поэт-фронтовик, набирает кружок поэтов в Кемерово. Он был инвалидом Великой Отечественной войны, другом Александра Трифоновича Твардовского. Я взял тетрадь со своими школьными стихами и поехал к нему. Нашел его адрес. Когда я приехал к Небогатову, в гостях у него был Лев Ошанин. Он тогда с певцом Виктором Кохно ездил по Сибири с творческими встречами. Кохно пел песни на стихи Ошанина. Ошанин заехал к Небогатову вот почему: Твардовский тогда выпустил четырехтомник своих стихов (первое более полное его собрание) и через Ошанина, зная, что тот по Сибири поехал и будет в Кемерово, просил передать этот сборник Небогатову.

Небогатов меня попросил показать мои стихи. Я дал ему тетрадь, он прочел. Дал послушать

Ошанину. Они довольно благосклонно отнеслись к моим виршам. Ошанин, который был профессором в Литературном институте им. Горького, предложил мне после окончания десятилетки поступать в Литинститут, а я тогда уже был зачислен в Горьковское театральное училище. Но я обещал им, что буду продолжать писать. Небогатов дал мне горьковский телефон и адрес Бориса Ефимовича Пильника, тоже фронтового поэта, инвалида войны, и попросил его найти. Я так и сделал.

При Доме ученых Пильник вел кружок поэзии. Туда ходили Юра Уваров и Юра Адрианов, впоследствии известный нижегородский поэт и прозаик, председатель Нижегородского отделения Союза писателей. Я тоже присоединился к поэтическому кружку. Вот тогда-то я и попал «под колпак».

Вторая половина 60-х годов, брежневский период. Оттепель еще жила, дышала, хотя уже затихала, замирала. Однако интерес к поэзии не остывал. Еще проходили поэтические вечера, куда приезжали Римма Казакова, Лариса Васильева, Ольга Берггольц.

Помню, Ольга Берггольц, уже старенькая, приехала на открытие памятника Борису Корнилову в городе Семенов Горьковской области. В горьковском Доме ученых по случаю ее приезда организовали творческий вечер. Зал был переполнен. Причем пришли и пожилые люди, и молодежь. Она уже слабым голосом читала свои стихи по памяти, что-то забывала, но прием был грандиозный. И я был счастлив провожать Ольгу Федоровну до

гостиницы «Нижегородская», вел ее под ручку. Она много говорила, шутила. Сейчас я, вспоминая ее, задумываюсь: Ольга Берггольц пережила Ленинградскую блокаду, много написала об этом. А что значит — много написать? Это значит — много пережить, перечувствовать, осознать. Это большой груз человеческих переживаний. И при этом она не потеряла чувства юмора. Вспоминая

А что значит — много написать? Это значит, много пережить — перечувствовать, осознать. Это большой груз человеческих переживаний.

ее, я всхлипываю, не боясь сентиментальности, и молюсь за нее.

Подошли к гостинице, поднимаемся

по парадному крыльцу. Она немножко поскользнулась, я ее — раз — подхватил под руку, держу. Она улыбнулась, погладила меня по плечу и сказала:

— Хорошая реакция, Санечка, не уронил поэта, — а то бы все буквы рассыпались.

Я подумал: «Как метафорично!» — Она вся состояла из поэзии и слов.

А вскоре ее не стало...

На одном из таких вечеров я познакомился с еще одним замечательным поэтом-фронтовиком Эдуардом Асадовым. Будучи слепым, он обладал необыкновенным видением в поэзии. И очень много писал о любви. Меня это удивило: фронтовые стихи, а большей частью не о войне совсем, а о любви. И я поинтересовался, почему у него так много лирической поэзии, обращений к возлюбленной через стихи.

— А на войне о чем еще думать? — ответил он. — Только об этом: о любви, о нежности, о ласке... Когда тебя окружает жесткий и жестокий мир, тем более война, то думаешь о самом добром и самом нежном, а что может быть добрее и нежнее такого человеческого чувства, как любовь?

Кстати, молодежи очень нравились стихи Асадова, и когда им говорили, что поэт слепой, — они не верили, потому что было ощущение, что стихи написаны суперзрячим человеком.

В 1966 году (мне было семнадцать лет) Борис Ефимович Пильник направил меня во Владимир на Всесоюзный семинар молодых поэтов. Это значило, что, пройдя семинар, я должен был стать членом Союза писателей или как минимум кандидатом. Руководил семинаром известный поэт, лауреат Сталинской премии, профессор Литературного института Павел Григорьевич Антокольский. На семинаре мои стихи приняли очень хорошо. Там же я познакомился с Николаем Рубцовым, Беллой Ахмадулиной и многими другими московскими поэтами. Вернулся я в Горький весь окрыленный. В каком-то крупном журнале опубликовали цикл моих стихов, и Пильник меня познакомил с Серафимом Андреевичем Орловым, филологом, профессором Горьковского (сейчас Нижегородского) государственного университета. Встреча состоялась на квартире у Пильника. К слову сказать, Орлов был шекспироведом. И хотя ни одного его труда по Шекспиру не опубликовали,

его работы были очень популярны в университетских кругах. Пильник показал ему мои стихи. Орлов рекомендовал мне поступать на филологический факультет Горьковского государственного университета.

Ну, я доверился профессору и решил поступать, для этого бросил театральное. Общежития университет не предоставлял, поэтому ютился я в ветхом жилище у стариков, ветеранов войны, которых переселили из полуподвала в новую квартиру. Старики сказали:

— Вот тебе ключи. Окна забей чем-нибудь, чтобы не знали, что здесь кто-то живет, и живи — до весны не снесут.

И в этом полуподвале я жил почти полгода до весны. Окна забил фанерой, днем зажигал свечи. Электрическую лампочку включал только ночью. Думал, годик проучусь на филологическом и перейду в Литературный институт в Москву — стал готовить себя в поэты.

Близился День Победы. Пильник на кружке поэзии вышел с предложением:

— Ребята, а почему бы вам не написать посвящения поэтам-фронтовикам и вообще стихи на тему войны?

Я и написал. И посвятил свое стихотворение Павлу Когану. Я тогда очень любил его поэзию. Любимым стихотворением было «Гроза», которое заканчивается словами: «Я с детства не любил овал! Я с детства угол рисовал!» Только потом я узнал, что Михаил Кульчицкий и Павел Коган бежали

из Литературного института на фронт добровольцами, где и погибли. А бежали, потому что знали о близившемся аресте. Кульчицкий с очень слабым зрением, -8, погиб в первом же бою. Павел Коган не провоевал и полугода, тоже погиб. И я написал стихотворение под впечатлением от творчества Когана. Эпиграфом взял те самые строки из его «Грозы»:

Я с детства не любил овал!

Я с детства угол рисовал!

Мы все живём, у всех есть право.

Но прав ли тот, кто врал. И тот,

Кто на правах, как крол на травах,

На браво вырастил живот.

И восседая в тесных креслах,

О Преснях пресно говоря,

Искал подтекст

В прелестных песнях,

Всех уверяя, что «не зря».

И находил, и с ходу к делу

Так приступал, как наступал.

И люди пятились к расстрелу,

С ума сходили — и в подвал.

И на пол сразу — наповал.

Поэт поэтому овал

Воспринимал так туго,

И детства угол рисовал —

Один лишь угол, угол, угол.

Наступил 1967 год, 50-летие советской власти. Поэтов стали душить. В столице уже буйствовала цензура, запреты, гонения на Иосифа Бродского и других поэтов. Но мы там, в провинции, еще не ощущали этого: выходили на улицы со своими стихами, выступали на поэтических вечерах в университете, во Дворцах культуры. Проходили вечера, посвященные поэтам-фронтовикам, на которых я читал и свое стихотворение, посвященное Когану. Оно широко разошлось среди студентов. И кто-то на меня за него «донес».

Еще Пильник нам такие задания давал: предлагал одно слово, и за десять минут мы должны были сочинить стихотворение, используя это слово. И вот в один, как потом оказалось, роковой для меня вечер Пильник дал нам слово «мозг». Я сочинил:

*Мозг напряжен, как мускул,
Пытается воспринять, что же такое русский,
Русская Родина-мать.
И не хватает мочи,
И не хватает сил.
Может быть, мозг не прочен,
Годен лишь на утиль?
Может быть, русская Родина-мать —
Это и есть тот мускул,
Который не следует напрягать?..*

Упражнение выполнил — выбросил и забыл, а кто-то из нашего кружка листок подобрал.. и меня в КГБ на Воробьевку вызвали. Испугал-

ся я страшно, ведь вся семья была когда-то репрессирована, и мама предупреждала: не писать стихов.

Меня допрашивал майор КГБ. Он показал мое стихотворение — то самое упражнение, от руки написанное, которое я выбросил. На меня и досе уже было собрано. А в кабинете у него — шкафы от пола до потолка, закрытые. Он на них указал и говорит:

— Вот, видишь, здесь, наверное, пять-шесть Достоевских, два Толстых, точно три Тургеневых, но никто из этих авторов не появится в печати. А ты со своими стишками куда лезешь?

Сначала он меня вербовал в осведомители (то есть в «стукачи») — я отказался. Тогда он заставил меня дать подписку о том, что я не буду распространять свои сти-

хи. Думаю, ладно — подпишу: лишь бы не посадили. Дал подписку, а маме на глаза показаться стыдно: Ли-

тературного института мне теперь было не видать, а из театрального училища ушел..

Тогда он заставил меня дать подписку о том, что я не буду распространять свои стихи. Думаю, ладно — подпишу: лишь бы не посадили.

Пальто-шинель и возвращение в театральное училище

Нужно было как-то выживать. Я устроился работать дворником у Дома-музея Каширина (Музей детства А. М. Горького), что на Почтовом спуске. От-